

УДК 1.38.2

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В КУЗБАССЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Рашид С. Бикметов^а; Владимир М. Золотухин^{а, @}

^а Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, 650000, Россия,
г. Кемерово, ул. Весенняя, 28
[@] zvm64@mail.ru

Поступила в редакцию 08.10.2018. Принята к печати 29.10.2018.

Ключевые слова:

угольная промышленность, рекультивация земель, шахтерские города, инфраструктура, терриконы, экологическая безопасность.

Аннотация: В статье дан исторический анализ развития угольной промышленности в Кузбассе и ее влияние на постепенное нарастание экологических проблем, связанных с несвоевременной рекультивацией земель вокруг шахтерских городов и населенных пунктов. Акцентируется внимание на том, что неотъемлемым атрибутом всех шахтерских городов Кузбасса являлись и являются многочисленные терриконы, которые связаны с развитием угледобывающих предприятий в Кузбассе. С начала 30-х гг. XX в. для государственной власти и партийного руководства вопросы сохранения биоресурсов и соблюдение элементарных экологических стандартов не являлись актуальными. По мере роста угледобычи и дальнейшего развития шахтерских городов в городской черте растут и возвышаются терриконы как сопутствующие отходы шахтового производства и как «достопримечательности городского пейзажа».

По свидетельству очевидцев (жители шахтерского п. Сибирь г. Прокопьевска Кемеровской области и г. Димитрове Донецкой области) рост отходов угольных предприятий приводил к периодическим возгораниям, что влекло за собой отравления жителей городов угарным газом, потерю жилья и т.д. На многочисленные просьбы людей переселить их руководство шахты отвечало отказом, ссылаясь на отсутствие жилья. Приводится пример трагедии, которая произошла вечером 15.06.1954. В акте, подписанном государственной комиссией, отмечалось, что взрывы произошли на терриконике во время грозы и ливня дождя. Подчеркнуто, что только в конце 1960-х гг. начали создаваться организации, которые занимались профилактикой подобных происшествий. Получили широкое распространение различные формы рекультивации породных отвалов и т.п. мероприятия, хотя они могли бы начаться на 10 лет раньше, если бы были сделаны правильные выводы при расследовании трагических событий.

Для цитирования: Бикметов Р. С., Золотухин В. М. Социально-философский и исторический аспекты развития угольной промышленности в Кузбассе и ее влияние на региональные экологические проблемы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3. С. 33–39.

Введение

С советских времен неотъемлемым атрибутом всех шахтерских городов Кузбасса являлись многочисленные терриконы, располагавшиеся почти в центре городской инфраструктуры. Их появление связано с историческим прошлым, с процессом возникновения шахтерских поселков и появлением крупных угледобывающих предприятий в Кузбассе в начале 1930-х гг. В эти годы создавался мощный топливно-металлургический комплекс, включав-

ший в себя Кузнецкий металлургический комбинат, угольные предприятия Анжеро-Судженского, Прокопьевско-Киселевского районов, Кемеровский и Ленинский рудники, Осинниковские и Араличевские шахты. В результате к концу 1932 г. было заложено 17 вместо 4 шахт в Прокопьевском районе, 7 вместо 4 шахт – в Ленинском, 5 вместо 2 – в Кемеровском, 8 – в Киселевском, 6 – в Осинниковском, 3 – в Араличевском районах [1, с. 132].

Данные процессы оказали существенное влияние на формирование экологического сознания, точнее сказать, его отсутствие в середине XX в., хотя необходимо признать, что его элементы присутствовали всегда в качестве эмоциональной вовлеченности человека в сферу экологических объектов и субъектов. Несвоевременное решение экологических проблем, неудовлетворенность культурных потребностей населения [2, с. 55] и т. п. проблемы постепенно накапливали социальное напряжение в региональном социуме. Все попытки комплексного решения проблем органами власти не приносили принципиальных изменений. При исследовании исторических аспектов развития угольной промышленности в Кузбассе авторы опирались на концепции А. Б. Коновалова (развитие угольной отрасли), З. Г. Карпенко (формирование шахтерских кадров), Н. Э. Буфиной (развитие шахтерских городов) и т. д. Это позволило проследить влияние развития угольной отрасли Кузбасса на процессы, связанные с защитой и охраной окружающей среды, создание экологически безопасных условий экономической деятельности как для вольнонаемных работников, так и для спецпереселенцев. Также мы придерживаемся позиции, что каждая историческая эпоха конструирует свой образ совершенного человека и стремится приблизиться к нему [3] и на этой основе отразить все существовавшие проблемы в области сохранения окружающей среды для будущих поколений.

Развитие угольной промышленности в Кузбассе и ее влияние на постепенное нарастание экологических проблем

На территории Кузбасса опережающими темпами развернулось широкое строительство шахт и промышленных предприятий. Параллельно же создавать для строителей необходимые жилищно-бытовые и культурно-оздоровительные условия вообще не планировалось [4, с. 72]. В тот период времени для государственной власти и партийного руководства вопросы сохранения биоресурсов и соблюдение элементарных экологических стандартов, влияющих на решение демографических и социальных проблем [5] не принимались во внимание. Данные вопросы не являлись актуальными и востребованными в связи с господствующей идеологической парадигмой и существующей практикой правоприменения [6], что объясняется еще и тем, что значительную часть рабочей силы на строительстве шахт составлял так называемый спецконтингент, принудительный труд которого получил широкое распространение в Кузбассе. Первоначально это были заключенные Сиблага и раскулаченные трудпоселенцы.

Местные органы государственной власти не располагали достаточным количеством жилья для размещения всего поступившего контингента спецпереселенцев. Строительство начиналось почти с нуля, людей размещали в палатках и шатрах, в шалашах, сделанных из веток и одеял. Быстрая же постройка землянок сильно сдерживалась отсутствием достаточного количества элементарных инструментов (лопат, топоров и т. д.). Примером являются воспоминания основателя известной в Прокопьевске шахтерской династии Г. Р. Сагитова: «Привезли нас в телячьих вагонах, поселили в чистом поле. Пришлось рыть землю и сооружать землянки, в которых потом ютились за занавесками по несколько семей» [7, с. 119]. Первые спецпосёлки вокруг строящихся шахт представляли собой большие массивы малоприспособленных для жилья помещений без окон и печей, сделанных наспех плетённо-засыпных барачков, а то и просто шалашей и землянок. Качество строительных работ при возведении барачков для трудпоселенцев было крайне низкое, стены засыпались сырой землёй и крыши возводились без подшива, из-за отсутствия у крыши навесов размывались стены [8, с. 155, 157].

В качестве стройматериала для индивидуального строительства шахты отпускали людям тонкомер, отходы от других лесоматериалов, непригодных к использованию в шахтах в качестве крепёжного материала, специально заготовленные берёзу и осину. Широкое распространение получила практика отпуска трудпоселенцам леса, поднятого из шахт, в связи с непригодностью его дальнейшего использования в производственных целях. Кроме того, отпускались и лесоматериалы для ремонта и поддержания тех временных жилищ трудпоселенцев, которые могут ещё простоять 1–2 года¹. Практика использования леса, который находился в шахтах, пропитанный техническими маслами и отходами, не только оказывала негативное влияние на здоровье населения, но и не способствовала эффективному его использованию. Также это не способствовало строительству экологически безопасного жилья, выработке экономически обоснованной экономической стратегии [9; 10] развития угольной промышленности, тем более учитывающей интенсивный характер своего развития [11]. Не уделялось внимание вопросам экономической целесообразности и соблюдения для работников элементарных стандартов качества жизни [12], что в конечном итоге привело к росту «социальной напряженности» (А. С. Ахизер) [13].

По завершении строительства объектов ввиду отсутствия на них эксплуатационной рабочей силы трудпоселенцы по согласованию с местными

¹ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 6. Л. 89; ГАКО. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 10. Л. 33, 185; ГАКО. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 15. Л. 59.

органами ОГПУ передавались в состав рабочих кадров шахт, заводов, предприятий. С течением времени они приобретали рабочую специальность и позднее составляли основной костяк рабочих кадров этих предприятий. Построенные шахты вводились в эксплуатацию, по мере увеличения угледобычи вокруг центральных стволов шахт стали возникать и расти многочисленные терриконы.

В 1930-х гг. начался процесс образования шахтерских городов путем территориального объединения многочисленных шахтерских поселков в единую городскую инфраструктуру. Так, в 1931 г. статус города обретают Прокопьевск и Анжеро-Судженск, в 1936 г. – Киселевск, в 1938 г. – Белово и Осинники. В центре этих городов начинается и многоэтажное строительство. По мере роста угледобычи и дальнейшего развития шахтерских городов в городской черте растут и возвышаются терриконы как сопутствующие отходы шахтового производства и как «достопримечательности городского пейзажа».

Долгое время никто не задумывался – какую опасность для горожан таят в себе эти гигантские породные исполины – терриконы². Они напомнили о себе, но в условиях победного «шестивия» всесоюзных рекордов и успешной трудовой деятельности «на благо» развитого социализма этому не придавали значения. Первыми очевидцами этого опасного соседства стали жители шахтерского п. Сибирь г. Прокопьевска. Возник он еще в довоенные тридцатые годы в непосредственной близости от шахты № 3-3-бис. Застраивался он частными домами шахтеров, в основном за счет деятельности спецпереселенцев, выселенных за 5 километровую зону от железной дороги. В 1945 г. шахтой был сдан в эксплуатацию дом № 25, в котором проживали 12 семей. Дома № 56 и № 61 были сданы в эксплуатацию в 1948 г., в них была размещена 41 семья. В 1950 г. было переоборудовано здание бывшей кочегарки под водокачку, в которой проживала семья из 4 человек. Все дома в поселке принадлежали шахте № 3-3-бис и обслуживались ее коммунальным отделом.

В 1943 г. на одном из терриконов от самовозгорания возник пожар, горение которого длилось вплоть до рокового дня. Жители этих домов часто обращались в больницу со случаями угара. На многочисленные просьбы людей переселить их оттуда руководство шахты отвечало отказом, ссылаясь на отсутствие жилья. Многим даже говорили: «Не устраивает жилье, увольняйтесь с шахты, ищите жилье лучше». Поэтому в безвыходной ситуации многие смирились с этим.

В целях профилактики шахтой был воздвигнут барьерный вал между терриконом и домами № 25, № 56 длиной 110 м и высотой более 2 м. Валом также оградили шахтные постройки и лесной склад. Этим и ограничились. Однако профилактические меры не изменили ситуацию. Неоднократно скатывающимися с террикона кусками породы пробивало стены домов. Об этом информировали А. А. Куликова (д. 61, кв. 10), А. Н. Минанникова (д. 61, кв. 19)³. Люди жили как у подножья действующего вулкана, а руководство, партийный и профсоюзный комитет шахты старались этого не замечать. По мере роста террикона данная защита утратила свою эффективность. Сквозь пальцы смотрели на безопасность жильцов поселка и профсоюзная организация шахты, горком и обком профсоюза и администрация города. Горящий террикон вблизи жилых домов оставался проблемой лишь только жильцов.

Трагедия случилась вечером 15.06.1954, когда жильцы поселка находились дома. В кв. 114 д. 25 были слышны застольные песни – там праздновали свадьбу. В указанных домах находилась часть гостей, прибывших на свадьбу из других поселков и даже из соседних городов. Видя, что надвигается дождь, кое-кто из родителей вышел на улицу, чтобы завести домой детей. В 8 часов вечера разразился дождь с сильным ураганным ветром и грозой, перешедший в 20 часов 45 минут в ливень. Многие жильцы погасили в квартирах свет, боясь грозовых разрядов. В этот момент «вулкан проснулся».

Как это произошло, рассказывают очевидцы: «В момент грозового разряда я подошла к двери, чтобы закрыть ее. В это время увидела со стороны террикона большое пламя огня и дыма. Крикнув, что мы горим, выбежала из дому. Примерно в семи метрах от дома меня сбило водой и газом. Я вскочила и опять побежала» (из показаний А. М. Рыжих, д. 25, кв. 6); «В комнате потемнело, затем осветлело, потом вторично потемнело. Я выбежал из комнаты и побежал к выходу по коридору, наполненному газом и горячей водой. Около дома было много горячей воды» (из показаний И. С. Козельского д. 25 кв. 22); «В коридоре кто-то закричал, что горит наш барак. Я сильно испугалась, схватила грудного ребенка и выскочила в коридор, где воздух был сильно раскаленный, и трудно было дышать. Я рукой выбила окно и выскочила наружу» (из показаний З. И. Пархоменко, д. 56, кв. 3)⁴.

На терриконике произошел взрыв, что зафиксировали некоторые очевидцы этой трагедии. Всего было 6 мощных взрывов (официально зафиксировано 4), каждый из которых сопровождался мощными

² Шахта «Кочегарка». Ч. 3. Шахтный терриконик // Шахты и рудники Донбасса. 08.01.2015. Режим доступа: <https://tw1npeaks.blogspot.com/2015/01/3.html> (дата обращения: 07.10.2018).

³ Книга Памяти шахтеров Кузбасса. 1946–1960. Самара: Самарский Дом Печати, 1998. Т. 2. Ч. 1. С. 77.

⁴ Там же, с. 79.

выбросами горячей породы, газа, пепла и бурным потоком горячей воды, несущейся с террикоников. В домах взрывной волной выбило стекла, квартиры в бараках мгновенно стали заполняться сажей и пеплом, раскаленной породой. «После первого взрыва столб оседал и происходил повторный взрыв, но с меньшей силой. Такие взрывы повторялись 6 раз» (из показаний М. Д. Андреева, д. 34)⁵.

Люди, растерянные и обезумевшие от страха, взяв на руки детей, выбегали на улицу, при этом попадая под очередной взрыв с выбросами породы. С вершины террикоников вниз на дома неслись сбитые взрывом куски породы и мощный поток горячей воды. Многие жители, сильно обожженные горячей водой и газом, будучи не в состоянии передвигаться, падали и погибали в потоке воды. «На улице было темно от пыли, и на почве земли неслась потоком горячая вода примерно высотой 30–40 см» (из показаний Н. С. Басова, д. 25, кв. 1). «На наш дом полетела пыль. Волнами бросало пыль и огненную породу. Очень тяжело было дышать, и мы задыхались» (из показаний А. Ф. Коротаевой, д. 25, кв. 3). «Я увидела столб пламени и дыма, которые поднялись, полетела горячая порода. Барак № 25 развалился и стал гореть. Я побежала в дверь, а навстречу мне хлынул поток горячей воды и пыль с породой. Мне обожгло руки и ноги» (из показаний М. Н. Гартвих, д. 61, кв. 6). «Когда я вернулась в квартиру за вещами, произошел вторичный взрыв, и меня отбросило назад. Куда я побежала после взрыва, я не знаю, но наткнулась на городьбу и с трудом выбралась на свежую струю воздуха» (из показаний З. И. Пархоменко, д. 56, кв. 3). К сожалению, не всем это удалось сделать. «На улице напротив окна моей комнаты лежала мертвая женщина, а недалеко от нее трое погибших мужчин» (из показаний С. В. Коростелева, д. 61, кв. 6)⁶.

Первым из руководителей к месту трагедии прибыл В. П. Романов, работавший в те годы начальником шахты им. Сталина (ныне Коксовая), и организовал спасательные работы. Горело несколько жилых домов. Все кругом было заполнено сажей и породой, поверх стояла вода, в которой находились обожженные трупы людей. К этому времени подъехали пожарные расчеты и врачи. Начали вывоз пострадавших, разборку и тушение горящих домов, извлечение погибших.

Последствия этой страшной трагедии были налицо. Продукты взрыва: раскаленная порода, пыль, газы и горячая вода – попали на территорию жилых домов поселка. Было полностью разру-

шено здание бывшей кочегарки и половина д. 56, отдельные комнаты жилых домов 25, 56 и 61 были заполнены метровым слоем породной мелочи и пылью. В радиусе 80 м толщина отброшенных от терриконика пород и пыли местами достигала 2 м. Также ливнем были повреждены 50 индивидуальных домов. В трагедии погибли 32 человека, включая и 7 человек, которые скончались в больнице от полученных сильных ожогов тела.

Причины трагедии определила государственная комиссия, которая произвела расследование, составила акт и вскоре уехала. В акте, подписанном государственной комиссией, отмечалось, что взрывы произошли на терриконике во время грозы и ливня дождя. Ударом грозы была разрушена верхняя спекшаяся корка терриконика, что способствовало взрыву окиси углерода и метана, образовавшихся при неполном горении угля и пород терриконика.

Схожая ситуация имела место 10.06.1966 в г. Димитрове Донецкой области – произошла техногенная катастрофа – взрывом террикона был уничтожен жилой поселок, погибли более 60 человек. От старого террикона шахты им. Димитрова треста «Красноармейскуголь» откололся кусок спекшейся породы общим объемом 33 тысячи кубометров. В первые дни мая в регионе прошли сильные ливневые дожди, они и спровоцировали оползень. Горячие многотонные глыбы и сыпучая масса раскаленной породы сползли на жилой поселок, погребя под собою с десяток домов вместе с людьми. После смещения горных масс в боковой части стометрового террикона образовалась полость, подобная жерлу вулкана. Из-за резкой смены температур, попадания воды произошел выброс горячего пепла, пыли и пара. По рассказам очевидцев, лавина породы снесла людей вместе с их жилищами в радиусе до 240 м от террикона. Восемь домов погребло оползнем, еще три здания разрушили скатившиеся с террикона пятитонные глыбы⁷.

Только после случая в Димитрове были пересмотрены строительные нормативы: производить застройку ближе чем в 500 м от террикона было запрещено. Верхушки терриконов разравнивали бульдозерами, формируя более плоский отвал. В конце 1960 гг. начали создаваться организации, которые занимались профилактикой подобных происшествий. Были созданы тресты и управления по рекультивации, озеленению и тушению породных отвалов. Все это в конечном счете повлияло на развитие и трансформацию качества жизни [14] населения и поиска своей идентичности на региональном уровне.

⁵ Там же, с. 78–79.

⁶ Там же, с. 79.

⁷ Шахта «Кочегарка». Ч. 3. Шахтный терриконик // Шахты и рудники Донбасса. 08.01.2015. Режим доступа: <https://tw1npeaks.blogspot.com/2015/01/3.html> (дата обращения: 07.10.2018).

Заключение

В заключение можно отметить: долгое время никто не задумывался, какую опасность для граждан таят в себе терриконы как наследие «всесоюзных рекордов» и «успешной» трудовой деятельности «на благо» развитого социализма, этому не придавали значения. Документы и статистические материалы «локальных» трагедий, как правило, засекречивались и не придавались широкой гласности.

В качестве причин возгорания терриконов официально были версии типа отсутствие регламентации и правил эксплуатации терриконов в Кузбассе, официально установленных радиусов опасной зоны расположения жилых домов от действующих терриконов. Поэтому в Кузбассе опасное соседство жилых поселков в районе действующих терриконов продолжало сохраняться в последующие годы, став практически обыденным явлением.

Литература

1. Исаев В. И. Социальные проблемы формирования Урало-Кузнецкого комплекса // Урал и Сибирь в Сталинской политике. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 125–137.
 2. Коновалов А. Б. Инициативы региональных органов ВКП(б) – КПСС по развитию социокультурной сферы Сибири (середина 1949-х – середина 1970-х годов) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19-2. С. 53–61.
 3. Казаков Е. Ф., Красиков В. И. История как путь к Идеалу // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 18–23. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-1-18-23.
 4. Бикметов Р. С. Использование спецконтингента в создании и наращивании экономического потенциала Кузбасса в конце 1920-х – второй половине 1950-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2011. 604 с.
 5. Бельков А. В., Козырева М. В., Тарасенко А. А. Влияние аксиосферы культуры и правоприменения на формирование эколого-экономического мышления в промышленно развитых регионах // Экологические проблемы промышленно развитых и ресурсодобывающих регионов: пути решения: сб. тр. II Всероссийской молодежной научно-практ. конф. Кемерово, 2017. С. 202–204.
 6. Золотухин В. М., Тарасенко А. А. Социально-философский аспект специфики уголовного правоприменения в Российской ментальности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 55–60. DOI: 10.21603/2542-1840-2017-3-55-60.
 7. Шишкин В. Династия Сагитовых // Жемчужина России. Прокопьевск: Полиграф-Центр, 2006. С. 118–129.
 8. Спецпереселенцы в Западной Сибири 1933–1938 гг. / сост. С. А. Красильников, В. Л. Кузнецова, Т. Н. Осташко, Т. Ф. Павлова, Л. С. Пашенко, Р. К. Суханова. Новосибирск: ЭКОР, 1994. 310 с.
 9. Kiseleva T. V., Mikhailov V. G., Mikhailov G. S. Contemporary trends in improvement of organizational-economic mechanism of environmental management // IOP. Conference Series: Earth and Environmental Science. 2017. Vol. 84. Art. number 012044. P. 1–6.
 10. Михайлов В. Г., Голофастова Н. Н., Коряков А. Г., Галанина Т. В. Управление экологической безопасностью угледобывающего предприятия // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2017. № 3. С. 183–189.
 11. Marasova D., Ligatto M., Cassiti D., Zolotukhin V. On the methodological unty of post-industrial and sustainable development as the environment preservation imperative // IIIrd International Innovative Mining Symposium: E3S Web of Conferences: EDP Sciences. 2018. Vol. 41. DOI: 10.1051/e3sconf/20184104021.
 12. Козырева М. В., Махалов М. С. Концепции культуры в контексте качества жизни // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-4. С. 210–213.
 13. Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. 804 с.
 14. Золотухин В. М., Козырева М. В. Влияние качества жизни и потребностей на формирование среднего класса // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 1-1. С. 183–187.
-

SOCIO-PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL ASPECTS OF COAL INDUSTRY DEVELOPMENT IN KUZBASS AND ITS IMPACT ON REGIONAL ENVIRONMENTAL PROBLEMS

Rashit S. Bikmetov^a; Vladimir M. Zolotukhin^{a, @}

^a T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, 28, Vesennyya St., Kemerovo, Russia, 650000

@zvm64@mail.ru

Received 08.10.2018. Accepted 29.10.2018.

Keywords: coal mining, land reclamation, mining towns, infrastructure, slag-heaps (terricones), environmental safety.

Abstract: The paper presents a historical analysis of the coal industry in Kuzbass and its impact on the gradual increase of environmental problems associated with the untimely reclamation of land around the mining towns and settlements. The authors stress the fact that numerous slag-heaps (terricones) have always been an essential attribute of all Kuzbass mining cities. In the 1930s, the state power and the party authorities paid little attention to the issues of conservation and environmental standards. Nowadays, slagheaps can be found within city boundaries, and local people see them as essential elements of urban landscape.

According to the residents of the village of Sibir in Kuzbass and the town of Dimitrov in Donetsk, the growth of mining wastes has often led to fires, which resulted in carbon monoxide poisoning, loss of housing, etc. The numerous requests of people to resettle them were rejected by the mine management, who referred to housing shortage. The authors focus on the tragedy that occurred in the evening of June 15, 1954, when the residents of Sibir were at home. As a result of a rain-induced slag-heap explosion, many people were killed and badly burned. However, it was in the late 1960s that special organizations appeared to prevent such incidents, and various forms of reclamation became widespread. If the right conclusions had been drawn from the investigation of the tragic events of 1954, these measures could have started 10 years earlier.

For citation: Bikmetov R. S., Zolotukhin V. M. Sotsial'no-filosofskii i istoricheskii aspekty razvitiia ugol'noi promyshlennosti v Kuzbasse i ee vliianie na regional'nye ekologicheskie problemy [Socio-Philosophical and Historical Aspects of Coal Industry Development in Kuzbass and its Impact on Regional Environmental Problems]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 3 (2018): 33–39.

References

1. Isaev V. I. Sotsial'nye problemy formirovaniia Uralo-Kuznetskogo kompleksa [Social problems of formation of the Ural-Kuznetsk complex]. *Ural i Sibir' v Stalinskoi politike* [Ural and Siberia in Stalin's policy. Collected papers]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2002, 125–137.
2. Konovalov A. B. Initsiativy regional'nykh organov VKP(b) – KPSS po razvitiuu sotsiokul'turnoi sfery Sibiri (seredina 1949-kh – seredina 1970-kh godov) [Initiative of the regional bodies of the CPSU (b) to develop the socio-cultural sphere of Siberia (1945–1975)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvenno universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of Kemerovo state University of culture and arts*, no. 19-2 (2012): 53–61.
3. Kazakov E. F., Krasikov V. I. Istoriia kak put' k idealu [History as A Way to the Ideal]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 18–23. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-1-18-23.
4. Bikmetov R. S. *Ispol'zovanie spetskontingenta v sozdanii i narashchivanii ekonomicheskogo potentsiala Kuzbassa v kontse 1920-kh – vtoroi polovine 1950-kh gg.* Diss. doktora ist. nauk [The use of prison population in the creation and development of the economic potential of the Kuzbass in the late 1920s – late 1950s. Dr. Hist. Sci. Diss.]. Kemerovo, 2011, 604.
5. Bel'kov A. V., Kozyreva M. V., Tarasenko A. A. Vliianie aksiosfery kul'tury i pravoprimereniia na formirovanie ekologo-ekonomicheskogo myshleniia v promyshlennno razvitykh regionakh [Influence of the axiosphere of culture and law enforcement on the formation of ecological and economic thinking in the industrialized regions]. *Ekologicheskie problemy promyshlennno razvitykh i resursodobyvaiushchikh regionov: puti resheniia: sb. tr. II Vserossiiskoi molodezhnoi nauchno-prakt. konf.* [Environmental problems of industrialized and resource-producing regions: solutions: Proc. II all-Russian youth Sci.-Prac. Conf.]. Kemerovo, 2017, 202–204.
6. Zolotukhin V. M., Tarasenko A. A. Sotsial'no-filosofskii aspekt spetsifiki ugolovnogo pravoprimereniia v Rossiiskoi mental'nosti [Socio-philosophical aspect of the specificity of criminal law enforcement in the

Russian mentality]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 3 (2017): 55–60. DOI:10.21603/2542-1840-2017-3-55-60.

7. Shishkin V. Dinastiia Sagitovykh [Dynasty Sagitovich]. *Zhemchuzhina Rossii* [The gem of Russia]. Prokop'evsk: Poligraf-Tsentr, 2006, 118–129.

8. *Spetspereselentsy v Zapadnoi Sibiri 1933–1938 gg.* [Special settlers in Western Siberia 1933–1938]. Comp. Krasil'nikov S. A., Kuznetsova V. L., Ostashko T. N., Pavlova T. F., Pashchenko L. S., Sukhanova R. K. Novosibirsk: EKOR, 1994, 310.

9. Kiseleva T. V., Mikhailov V. G., Mikhailov G. S. Contemporary trends in improvement of organizational-economic mechanism of environmental management. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, vol. 84 (2017): Art. number 012044, 1–6.

10. Mikhaylov V. G., Golofastova N. N., Koryakov A. G., Galanina T. V. Upravlenie ekologicheskoi bezopasnost'iu ugledobyvayushchego predpriyatiia [Management of environmental safety of a coal-mining enterprise]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Kuzbass State Technical University*, no. 3 (2017): 183–189.

11. Marasova D., Ligatto M., Cassiti D., Zolotukhin V. On the methodological unity of post-industrial and sustainable development as the environment preservation imperative. *IIIrd International Innovative Mining Symposium: E3S Web of Conferences: EDP Sciences*, vol. 41 (2018). DOI: 10.1051/e3sconf/20184104021.

12. Kozyreva M. V., Makhalov M. S. Kontseptsii kul'tury v kontekste kachestva zhizni [Concepts of culture in the context of quality of life]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2-4 (2015): 210–213.

13. Akhiezer A. S. *Rossia: kritika istoricheskogo opyta. (Sotsiokul'turnaia dinamika Rossii)* [Russia: criticism of historical experience. (Social and cultural dynamics of Russia)]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, vol. 1 (1997): 804.

14. Zolotukhin V. M., Kozyreva M. V. Vliianie kachestva zhizni i potrebnosti na formirovanie srednego klassa [Influence of quality of life and needs on the formation of the middle class]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1-1 (2014): 183–187.